

Наследие в политической культуре и культурной политике: забывающие прошлое лишают себя будущего

Мемуарная литература требует от читателя знания не только фактографии, но и культурных стереотипов эпохи, приходится учитывать и влияние разного рода идеологий, в том числе и забытых, и трансформировавшихся, и совершенно эклектических. Кроме всего прочего требуется не просто понимание, но и сочувствие, даже если автор, подобно сэру Уинстону Черчиллю¹, пытается представить читателю свои главные, но нереализованные цели как второстепенные, а катастрофические провалы как собственную победу. Мемуары истинного политика — отнюдь не способ самооправдания или возвеличивания. Обычно это культурно-политическое завещание, адресованное и современникам, и потомкам.

Два года назад серия «Антология мысли» пополнилась тремя томами мемуаров *Отто фон Бисмарка* (1815—1898)². Российские читатели, интересующиеся не столько историей самой по себе, сколько историей культуры, в том числе культуры политики и дипломатии, получили возможность познакомиться с воспоминаниями и суждениями одного из наиболее значительных политиков XIX века, создателя Германской империи³.

Предыдущее издание воспоминаний Бисмарка было осуществлено на русском языке после заключения договора о ненападении между Германией и СССР. Из разряда библиографических редкостей эта огромная по количеству представленного материала книга сегодня стала достоянием широкой публики, ее с удовольствием прочтет каждый, кто интересуется XIX веком и германской культурой той эпохи. «Железный канцлер» не случайно восхваляем шовинистами всех наций и мастей, меривших его по себе. Он и ныне не понят ими до конца, как не понят и другими наследниками, плохо сознающими, чем именно они ему обязаны.

Бисмарк, для которого даже руководимые им свободные консерваторы, а затем и национал-либералы были недостаточно преданы идее германской монархии презирал всей душой плебеев-политиков, «адвокатов и социалистов», но почему-то был враждебен даже более чем краснобаям-депутатам, «банкирским ставленникам», высшей аристократии собственной страны — королевской Пруссии, а затем Германской империи. Эта

¹ Получил Нобелевскую премию именно за мемуары.

² Отто фон Бисмарк. Мемуары Железного канцлера. — М.: Эксмо-Пресс /СПб: Terra Fantastica, 2003. — 957 с. — Тираж 5000 экз

³ Бисмарк не раз предостерегал соплеменников от идеи «похода на Восток», но стремление к приобретению колоний (не только в Африке и на Дальнем Востоке) было важной частью унаследованного объединенной Германией «прусского» милитаризма, опиравшегося на представления о «более высокой» европейской культуре. В рамках этих представлений и камерунские горцы, и китайские банкиры обязаны подчиняться германским «культуртрегерам». Бисмарк (а также еще многие английские, французские и прочие националисты) был сторонником «культурного евроцентризма» по прагматическим мотивам. Он считал Европу главным объектом германской экспансии, прежде всего культурной, что показал его «культуркампф», «борьба за культуру» с представителями национальных и религиозных меньшинств, разного рода культурными сепаратистами.

аристократия одевалась по-французски, вела себя по-английски, интриговала по-итальянски, но эгоистична была по-немецки: более 50% немецкой земли принадлежало юнкерам — потомственным службистам, наследникам дворянской средневековой культуры. При этом Бисмарк был их вождем, признанным и закаленным.

Эта Германия шла в современность не лицом, а затылком. Великая страна развивалась, опираясь на культурные традиции европейского Средневековья, то есть не плебейским (так называемым «американским») путем, но путем реформ «сверху» (за счет разорения патриархального крестьянства, обнищания малоимущих горожан). Единственным оправданием такой системы была ее сверхцентрализация и военная эффективность (на деле весьма сомнительная, особенно в период наполеоновских войн). Эта традиция прусской династии Гогенцоллернов возникла еще до Фридриха Великого, который трансформировал ее в духе времени, используя просветительскую идею о «философе на троне», чтобы оправдать свои захватнические войны установлением «прогрессивной» системы законности и веротерпимости. «Старый Фриц» одним из первых додумался до самооправдания с помощью покровительства национальным и религиозным меньшинствам, державным попечением о национальной культуре и системе образования, а также земледелии, торговле и ремеслах, — то есть тогдашнем «соблюдении прав человека». Король Пруссии — абсолютный владыка, но не тиран-солдафон, не безжалостный завоеватель, если он защищает христианские (сегодня бы сказали «общечеловеческие») ценности, несет людям цивилизацию!

Культурные традиции — великая сила. Тот же Бисмарк, в достаточной степени презиравший и пиетистское лицемерие, и христианско-романтическую догматику, в качестве своего решающего аргумента против норм трудового законодательства, запрещавшего детям и женщинам чрезмерный труд (хотя бы по ночам и в воскресные дни) выдвинул глубокую мысль о том, что государство не смеет вмешиваться в частную жизнь, не должно мешать главе семьи, отцу семейства, если тот вынужден заставлять работать своих малолетних детишек сверхурочно, исходя из частных (общегражданских, но и внутрисемейных) соображений. Патриархально-библейские, цивилизационно-культурные мотивы в стремлении Бисмарка к обретению политического и военного могущества, к оправданию традиционно-наследственных идеологических фетишей, «исконно-священных» европейских прав на угнетение и унижение («дикарей») иноверцев, непривилегированных сословий и малоимущих граждан) в целом роднят его с большинством идеологов современности, в том числе и российских. Можно в данном контексте вспомнить ролик 1990-х годов — социальную рекламу, где лично Б.Н. Ельцин «ободряет» маленького мальчика, зарабатывающего мойкой машин. Дети в этом возрасте должны учиться, иначе местом действия является «третий мир».

«Цивилизационные ловушки», связанные с наследием (обожествление прошлого или огульное его осуждение) существуют в любой национальной культуре. Любая идеология, в том числе современная, суть «правила добра» — то есть позитивно ориентированная целевая методика культурной трансформации, рассчитанная на определенный тип развития, и рождается она из условий конкретного бытия. Бисмарк непрерывно интересовался Россией — не потому, что два года пробыл послом в Петербурге, заслужив и симпатию, и ненависть канцлера Горчакова (великого дипломата, лицейского однокашника Пушкина). Россия для Бисмарка — некий решающий рубеж, синтез прошлого и будущего, Европы и Азии, опасность и благо. Иногда он сам выглядит «почти русским» — например, в своей глубокой, не легковесной, но и не многословной иронии, и в особом «просветительском» запале, типичном для русских политиков того времени. Случайно или не случайно «культурологическое» сходство воспоминаний Бисмарка с мемуарами С.Ю. Витте? Это обстоятельство заставляет подумать и о некотором, хотя и достаточно отдаленном, сходстве этих деятелей. Витте — «европеец», русский немец. Тот же Бисмарк указывает, что в России «слишком много» высших должностей заняты немцами (приезжими или собственными, прибалтийскими), что не могло не вызывать раздражение у «истинных» русских. И, однако, эти немцы все-таки были русскими, они и ныне «водятся» в российской культуре, — достаточно вспомнить великих Святослава Рихтера и Альфреда Шнитке...

Наследие политических деятелей такого масштаба обычно противоречиво, особенно в культурном отношении, но «железный канцлер» — личность не только глубокая, но и цельная, как и его воспоминания. Отто фон Бисмарк был носителем немецкой культуры, которую ныне именуют «юнкерской». Он всегда опирался на нее, гордился своими культурно-историческими корнями⁴.

Во всех трех томах книги присутствуют «коридоры власти» — дворы и министерские кабинеты, дипломатические ведомства и высокие аристократические салоны Австрии и Пруссии, России и Франции. Сословные и национальные предрассудки Бисмарка — ненависть к спесивым французам, хитрым евреям, эгоистичным англичанам, интриганам-австрийцам, а также краснобаям-либералам, космополитам-католикам, лживым и беспринципным болтунам-адвокатам всех наций, — и снисходительное, почти сочувственное презрение к «отсталой» русской аристократии, падкой на все французское) бросаются в глаза. Он был истинным пруссаком — из тех держателей феодального лена, которые имели тысячелетние родословные, а учились в университетах и служили в

⁴ Отто фон Бисмарк (Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен) родился 1 апреля 1815 года в родовом поместье Шенхаузен. Род Бисмарков несколько веков служил династии Гогенцоллернов (курфюрстам Бранденбурга, затем королям Пруссии).

гвардии не ради карьеры, но в согласии с наследственными традициями. Послужив несколько лет в полку, они выходили в отставку, чтобы «заниматься хозяйством» в деревне. Увы, у Бисмарка всегда были плохие отношения с начальством, он этого и не скрывает. Поводы разные, но тексты инструкций, донесений и писем, приведенных в книге, показывают: начальством, в том числе и августейшим, будущего канцлера были романтики-идеалисты, они же и казенные патриоты, напыщенные педанты, примитивные доктринеры — и, вместе с тем, лукавые царедворцы. Эти люди видели светлое будущее Германии в ее средневековом прошлом, в сугубой сословности и корпоративности. Их культурная косность, любовь к мертвым традициям были настолько велики, что Бисмарку стоило огромных трудов убедить своего короля принять императорский титул даже после блистательной победы над Францией.

Автор книги — умный, зоркий, ярко чувствующий, разносторонне подготовленный к политической деятельности юнкер (помещик), заслуживший уважение соседей прежде всего как землевладелец, настоящий хозяин⁵.

Интересно, что «железный канцлер» видел главного врага своей империи и общенациональной немецкой культуры не в «космополитическом» влиянии Франции, не в Британии с ее олигархией и «свободной прессой», оформляющей политическую культуру уже не помещичьей, но индустриальной цивилизации (на которой и основывалась мировая империя, ставшая после разгрома Франции главным соперником бурно развивавшейся Германии), но прежде всего в аристократических интриганах: беспринципных карьеристах и педантичных доктринерах, салонных и «гаремных» (то есть опирающихся на поддержку враждебных собственной национальной культуре «высочайших особ» женского пола) политиках. «Свободомыслящая» (в рамках банковской и индустриальной выгоды) Британия или «традиционалистская» (но на самом деле многоукладная, многонациональная, феодально-помещичья) Австрия находят в таких людях идеальных агентов для проведения своей политики. Такие «свои» опаснее всех «чужих», поскольку предлагают апробированные в других странах рецепты, — выгодные лишь одной категории паразитической элиты, не нации в целом!

Бисмарк был силен именно как политик-реалист, а не теоретик-доктринер, и (приходится повториться) чуть ли не по-плебейски ненавидел «высшую» аристократию — паразитическую, антинациональную. Во многом это проявилось в период

⁵ В молодости юнкер Бисмарк был даже слишком типичен — от студенческих кутежей, офицерской любви к порядку, интрижек с девушками-крестьянками до помещичьей рачительности. Тем не менее, он мыслил ясно и самостоятельно, имел политическую волю и дипломатическую проницательность, слыл большим оригиналом и кровожадным реакционером. Поэтому бранденбургские помещики и послушные им крестьяне избрали этого человека своим депутатом, когда осознали опасность революции, угрозу для сословной монархии, традиционного уклада жизни.

«культуркампа», когда «железный канцлер» нанес жесточайший удар по системе религиозных и образовательных учреждений, через которую Австрия (главный культурный соперник Пруссии на общегерманской арене) с помощью католической церкви и ее агентов-придворных влияла на прусскую политику.

Культурный авторитет Австрии на европейской арене к тому времени уже далеко не соответствовал ее реальному потенциалу, на что Бисмарк указывает неоднократно. Российский императорский дом много раз (себе в ущерб) спасал империю Габсбургов, так как у нее были импонирующие ему культурные традиции, но австрийцы во время Крымской войны «удивили мир своей неблагодарностью», — и недальновидностью, поскольку без поддержки России они потеряли и Северную Италию, и ряд других европейских областей, отдали Германию Пруссии и оказались на вторых ролях. Бисмарк потратил немало усилий, чтобы после поражения Австрии в 1866 г. не допустить ее полного разгрома и позора. Национальный вопрос никогда не был для Бисмарка второстепенным, он прямо говорит об этом.

Чем же, однако, более всего интересен убежденный реакционер, «железный канцлер» современному российскому читателю? Разумеется, политической деятельностью, несомненно успешной, но и своей духовной организацией — то есть весьма специфической внутренней культурой, благодаря которой ему удалось совершить то, что он хотел: объединить разрозненный и униженный народ. Нынешняя Германия во многом не такова, какой ее хотелось видеть Бисмарку, но Германия снова едина и сильна, несмотря на катастрофические военные поражения, на периоды культурного упадка и общей ненависти к ней.

Советские солдаты сожгли дом Бисмарка, мстя за себя и за своих убитых товарищей. Это, несомненно, было варварством, горьким преступлением против культуры, хотя винить их в этом — то же самое, что винить Отто фон Бисмарка в создании расовой теории и массовом уничтожении «недочеловеков» (чего-чего, а изуверского фанатизма за ним не водилось). Бисмарк неоднозначно, мягко говоря, относился к России и русскому народу, но не был их ненавистником. Более того, он с уничтожающим презрением говорит о прожектерах, уже в его времена вынашивавших проекты расчленения России, — разумеется, исключительно для общеевропейского блага. Свои «походы на Восток» и Карл XII, и Наполеон I начинали, конечно же, «в интересах Европы». Бисмарк понимал, что интересы Европы и прежде всего Германии — в развитии, для чего нужна не постоянно культивируемая идеологическая вражда, не «дранг нах Остен», а союз на основе учета общих интересов, в том числе культурных.

Нельзя забывать прошлое, чтобы не потерять перспектив развития. Немецко-русские культурные связи намного сложнее (и конфликтнее) польско-русских, и балтско-русских, и турецко-русских, но, тем не менее, существует некое особое генетическое родство двух культур. Взаимный интерес сохраняется с допетровских времен, и с екатерининской эпохи, и с александровской, и со времен ГДР, — он остался и после разрушения «берлинской стены». Россия и Германия в сфере культуры всегда так или иначе конфликтовали, но при этом и обогащали, и понимали друг друга. Остается надеяться, что эта традиция, угасание которой во времена Бисмарка было очевидно для автора мемуаров, в наше время получит должное развитие.

* * *

От искушенного любителя мемуаров не укроется то, что «пруссак» Бисмарк в культурном плане является близким родственником «остзейца» Маннергейма⁶ (1867—1951), служившего императорской России тридцать лет, сражавшегося за нее, а затем воевавшего против Советской России и СССР. О ренегатстве или бонапартизме речи нет — автор воспоминаний⁷ принадлежит к той же школе, что и Бисмарк. Этот человек, разумеется, прежде всего, защищал интересы своего сословия, но также и нации в целом (исключая беднейшие, обездоленные в то время слои), будучи организатором-профессионалом высшего уровня. Ему удалось отстоять не просто независимость своей страны, но и помочь ее развитию, хотя в целом продолжение «юнкерских» культурных традиций в XX веке имело печальные результаты. Это культурный, экономический и военный крах императорской Японии, Австрийской империи, Германского рейха, царских России и Болгарии, королевской Румынии, распад колоссальной Британской империи, утрата почти всех колониальных владений развитыми странами Европы... XX век не зря был назван «веком революций». Если смотреть на его кровавые перипетии глазами культуролога, откроются последствия некоего культурного тупика, коллапса, невозможности эволюционным путем развивать (и синтезировать) традиции.

Маннергейм, видевший три русских революции, прямо пишет, что сделался политиком «у себя дома», поскольку понял, прочувствовал необходимость новых методов

⁶ Карл Густав Маннергейм, шведский барон по корням, балтийский германец («остзеец») по культуре, создал вооруженные силы Финляндии, отделившейся от России в 1918 году. Вместе с немцами воевал против финской Красной Гвардии, во время «зимней войны» 1939—1940 годов — против Красной Армии. Финляндия воевала против СССР вместе с гитлеровской Германией в 1941—1944 годах под командованием уже не генерала царской армии, а финского маршала Маннергейма, и по его приказу разоружила германские части на своей территории, и вышла из Второй мировой войны. Суверенитет страна сохранила, сделавшись нейтральной.

⁷ Карл Густав Маннергейм. Мемуары. — М.: Вагриус, 2003. — 574 с. — Тираж 5000 экз

урегулирования социальных проблем. Это не диктатура, не «грубая» военная сила, но, прежде всего, учет основных интересов всех социальных слоев.

Как политик Маннергейм жестче полководца Маннергейма (просившего в 1918 году парламент и политических деятелей о снисхождении к некоторым финнам, «красным» пленным, помещенным в лагерь), поскольку вынужден был оправдывать доверие тех, кто доверил ему кормило державы, — в том числе и «чужих», иностранных избирателей и политиков. Догматизма в этом человеке не было: при любви к дисциплине и соответствующих убеждениях он принял новую, эгалитарную по форме, «антидворянскую» политическую культуру как неотъемлемое условие достойного существования и развития нации. Во многом благодаря этому ему, аристократу, удалось добиться симпатий и конкретной помощи от разных международных блоков и политических сил.

Союза с Финляндией искала фашистская Германия (и другие «державы оси»), а также либеральные США и Британия (считавшая в ту пору и страны Балтии, и Скандинавию сферой своего преимущественного влияния). Глава и творец шюцкора, военизированной патриотической организации, сходной во многом с нацистскими «штурмовыми отрядами», Маннергейм не стремился к военной диктатуре, хотя в роли диктатора выглядел стократ лучше прочих военных лидеров (например, Антонеску, Пилсудского, Хорти). Он имел в своей стране огромный авторитет, но пост президента занял только для того, чтобы «повернуть штыки» против Германии, заключив мир с СССР.

Карл Густав Маннергейм — не просто реакционер и не только прогрессист, высокообразованный для своего времени человек. У барона много ипостасей: в молодости он предпринял путешествие в Тибет, и еще он — царедворец, обласканный Николаем II, принимавший участие в его коронации, и лихой кавалерист, берущий призы на смотрах и скачках, и генерал, успешно командовавший 12-й кавалерийской дивизией на Румынском фронте. К тому же он муж Анастасии Араповой, и отец двух дочерей. Георгиевская сабля, полученная за храбрость (за бои под Люблином, в первую мировую), заставляет лишний раз вспомнить историю жизни гетмана Скоропадского, отчасти схожую на каком-то этапе с историей барона Маннергейма. Гетман, генерал-адъютант императора, стал марионеткой Германии, а барон, «остзейский ландскнехт» — патриотом Финляндии. Почему так получилось, можно понять из его мемуаров.

Так называемая северогерманская культура во многом близка сегодня не только России, но и странам Балтии (даже католической, не протестантской по корням Литве), и особенно Финляндии. Дело не во внимании к «мелочам», не в трудолюбии как таковом, свойственном в целом протестантской этике, но, прежде всего, в стремлении

регламентировать себя, подчинить жизнь особого рода гармонии-комфарту. Именно благодаря этим свойствам своей культуры «остзейцы» были так необходимы для правящих кругов (но и ненавистны для прочих слоев населения) России в качестве чиновников и военных, промышленников и банкиров, высокопрофессиональных организаторов.

Доныне Россия располагает великолепными ресурсами, которые никак не может реализовать из-за якобы «отсталой» культуры, плохой организации⁸. Финны, возглавляемые Маннергеймом, в 1939—1940 годах показали, что война — прежде всего особый тип организации. Организовал финскую оборону Маннергейм, и финны использовали его ум, знания и опыт в своих национальных интересах. Те, кто командовал другой стороной, были вопиюще плохо подготовлены (не по своей вине, благодаря просчетам высшего руководства), и сотни тысяч убитых — бездарно погубленных людей стали ценой, уплаченной за отсутствие надлежащей организации.

Мемуары русского генерала, финского маршала интересны не только фактами и цифрами, но и полемическими выпадами и выводами. Человек четырех культур (финской и русской, немецкой и шведской), знавший и французский язык, видевший три революции, прошедший через пять войн, он отнюдь не стремится раскрыть свою душу, не играет «своего парня». Его цель — дать понять читателю, во имя чего он в преклонном уже возрасте несколько раз брал на себя ответственность за будущее своей страны, рискуя попасть на скамью подсудимых вместе с заправилками «третьего рейха».

Барон постоянно поясняет, отчего в тот или иной момент ему нужно было «наладить взаимопонимание» с кем-либо (с редакторами финских газет, с деятелями парламента, со Сталиным, Гитлером, английскими и шведскими политиками). Маннергейм непрерывно мечтает о союзе со Швецией (частью которой Финляндия была до XIX века), но и в генеральско-маршальской ипостаси он куда умнее, чем хочет показать.

Маннергейм защищал не просто Финляндскую Республику, он сражался за дальние перспективы нации — и преуспел, ухитрившись принять на себя тяжелейшую ответственность, демобилизовать армию и тут же уйти в отставку. Обычно барон

⁸ Следует отметить, что даже «имперский» антисемитизм был направлен отнюдь не на этнически-религиозную природу еврейства, но против развивающейся, активной плебейской культуры, вынесенной российскими евреями из Германии и получившей в черте оседлости дальнейшее развитие. Обвинения российским революционерам прежде всего имели культурную направленность (безбожие, стремление уничтожить «славные традиции» дворянства, ненависть к престолу и т.п.), — то есть это были черты, роднившие их прежде всего с *германской* социал-демократией. Русский генерал 1812 года (Д.С. Дохтуров, по легенде), иронически попросивший у Александра I в виде наивысшей награды «сделать его немцем», в 1918 году мог бы попросить наркомвоенмора Троцкого «назначить» его евреем, — или латышом, или немцем, или финном. «Октябрьский переворот» был воистину интернациональным прежде всего по европейскому (плебейскому) культурному посылу. Стремление к *передовой культуре организации* стало его фирменной маркой, а одним из худших обвинений для большевика-ленинца была «стихийность», она же «партизанщина».

принимал решения своевременно, это как бы национальная черта, поэтому его страну и относят к разряду процветающих.

Сегодня Финляндия (во всяком случае, целый ряд ее политиков) занимает в Европарламенте негативную по отношению к России позицию. Это такая культурно-прагматическая традиция, тоже идущая от Карла Густава Маннергейма, — особенно в отношении «добровольного» присоединения к Суоми российских территорий (Карелии, например). При этом к России и российской культуре претензий вроде бы нет, ее даже хотят сделать частью общефинской, на правах региональной субкультуры, — как сегодня являются субкультурами карельская, вепская и другие сходные культуры. Это говорит о возможных перспективах грядущего культурного сотрудничества, далекого от политической конъюнктуры.

И Бисмарк, и Маннергейм понимали необходимость глубокого политического и культурного сотрудничества. Истинным оппонентом Бисмарка, требовавшего «железа и крови» для сплочения нации, оказался не канцлер Горчаков, а поэт Тютчев (тоже дипломат, кстати, у которого женой была немка).

*«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем сплотить ее любовью, —
А там увидим, что прочней...*

«Железо» хищничества слабее любви, — «живой гармонии бытия». Прошлое — в прошлом, грядущее — в настоящем, но мемуары Отто фон Бисмарка и Карла Густава Маннергейма на историческом фоне общего будущего читаются как бестселлеры.